Чэнь Синь наполовину откинул одеяло Шэнь Яня, запустил руку под низ, забрал телефон Шэнь Яня себе в карман и, заметив, что тот собирается встать, поспешно остановил его:

— Эй, не двигайся, врач сказал, тебе нужно соблюдать постельный режим.

С этими словами он засунул телефон в карман:

— Спи давай, вечером я тебе его верну.

Затем он решительно зашагал прочь, не оставляя и надежды.

Шэнь Янь, горько утративший свой любимый гаджет, был вынужден покориться совету: натянул одеяло на голову и лёг спать!

— Генеральный директор Цзи, господин Шэнь уже проснулся, рядом с ним находится Чэнь Синь из Хэнда. Кроме того, часы от Patek Philippe уже доставлены, а то, о чём вы просили меня передать, я господину Шэню тоже сказал.

Цзи Хуали, казалось, находился на берегу моря — в трубке слышен был шум набегающих волн.

— Что он сказал?

— Господин Шэнь велел передать вам спасибо. Генеральный директор Цзи, если вы переживаете, лучше вернитесь и посмотрите сами: в конце концов, сказать что-то лично гораздо лучше, чем просить об этом других.

— Как в последнее время поживает Цзи Кай? — Цзи Хуали сменил тему.

Секретарю Цинь оставалось лишь последовать за ходом мыслей Цзи Хуали:

— На данный момент всё идёт по плану. Доля Цзи Кая в корпорации Цзи сократилась больше чем наполовину. К тому же из источников, приближенных к старому господину Цзи, стало известно, что старый господин намерен полностью обнулить акции Цзи Кая в корпорации Цзи, переведя его дивиденды на дочерние предприятия и выгнав Цзи Кая из штаб-квартиры.

— Проследи за этим как следует.

— Моей работой вы можете быть довольны, генеральный директор Цзи.

— Угу.

Раздался короткий гудок, и звонок оборвался. Цзи Хуали действительно был на море. В тот день, когда он отправил Шэнь Яня в больницу, он провёл у его постели две ночи подряд, бесчисленное количество раз сидя рядом и моля Шэнь Яня открыть глаза и посмотреть на него.

Но стоило Шэнь Яню прийти в себя в первый же день, как сам он сбежал в Наньлин.

Сказать лично.

Да как он мог сказать это лично? Шэнь Янь и так его не любит, наверное, сейчас при виде него его бы уже стошнило.

Цзи Хуали сидел на берегу моря.

Вдруг зазвонил телефон.

Его личная мелодия звонка.

Цзи Хуали пришлось взять телефон в руки далеко не с первой попытки.

— Алло…

Из трубки раздался голос.

Он совпал по времени с тем, как заговорил Цзи Хуали, но звучал так громко, что полностью заглушил его слова.

— Алло-алло, чек-нау! Йо-йо-йо! Качево, да? Последний диджейский трек! — это Чэнь Синь изо всех сил рекламировал музыку. На экране телефона бесконечной чередой шли диджейские треки — Шэнь Янь не любил такую музыку, считая, что она бьет по ушам, и редко разделял это увлечение с Чэнь Синем.

Но Чэнь Синь по-прежнему не уставал навязывать её Шэнь Яню, благовидно прикрываясь тем, что не собирается бросать Шэнь Яня, этого старика за тридцать.

— Но только что первое алло было вообще не качёвое, какое-то вялое, прям как дохлый цыплёнок. Может, трек не тот включился? — засомневался Чэнь Синь, ведь раньше он слышал совсем другое.

Цзи Хуали притих. Боясь, что шум волн окажется слишком громким и выдаст его, он нарочно зажал динамик рукой, подыскал тихое место, а затем плотно приложил трубку к уху.

Шэнь Янь сидел на кровати со слегка растрёпанными волосами и расстёгнутым воротником. Только что он спорил с Чэнь Синем из-за телефона, но, к несчастью, проиграл: Чэнь Синь упрямо требовал, чтобы он слово в слово повторил врачебные предписания, и лишь после этого соглашался отдать гаджет. Просто безумие какое-то!

Шэнь Янь всегда относился к врачебным указаниям как к чему-то одноразовому: стоило ему поспать, как всё вылетало из головы, где уж тут вспомнить.

Чэнь Синь прекрасно знал об этой его особенности и потому смело использовал её как условие.

Не отнять силой, не победить в споре и тем более не одолеть в драке — у Чэнь Синя был чёрный пояс по тхэквондо. Во время их возни Шэнь Янь по чистой случайности разблокировал

телефон по отпечатку пальца, сам того не ведая нажав куда-то и издав звук.

Не успел он толком разобраться, как Чэнь Синь врубил прямо у него над ухом диджейский трек, который немилосердно бил по ушам.

— Чэнь Синь, врач сказал, что мне нужен покой.

— О! Вспомнил про покой! А кто только что без продыху и устали правил макеты, уткнувшись в планшет, да ещё и собирался связаться с Ли Мин по поводу выставки? Братец, да даже среди трудоголиков таких фанатиков нет. Болен — так отдыхай нормально, жить надоело?

— А как пару диджейских треков услышал, сразу заладил про покой. Ты что, хамелеон, прямо на ходу меняешься? — не премиально сострил Чэнь Синь.

Шэнь Янь: «……»

— Ладно, старина Чэнь, это я виноват, каюсь, — признавший поражение Шэнь Янь принялся заниматься самобичеванием в надежде, что Чэнь Синь смягчит наказание. — Мне не следовало работать во время болезни, тем более не следовало связываться с Ли Мин, а пуще того — не следовало ослушиваться указаний господина Чэня и пренебрегать собственным здоровьем. Господин Чэнь человек великодушный, пусть простит младшего на первый раз, клянусь, больше не повторится.

Шэнь Янь поморгал, его тон звучал предельно искренне.

— На этот раз так и быть, прощаю. Кроме меня, о тебе некому позаботиться, — сжалился Чэнь Синь.

— Тогда мой телефон…

— Сначала выслушай дело, отдам позже. Сегодня к нам в Хэнда приходил Цзи Линь искал тебя, я его отшил. Он просил передать, что хочет увидеться с тобой завтра. Я замял этот разговор, ответил невнятно и ничего конкретного не пообещал. Послушай, мне помочь тебе отказать ей?

— Не нужно, раз она пришла, значит, у неё есть какое-то важное дело.

— Но подумай сам, А-Янь, между Цзи Хуали и Цзи Каем отношения хуже некуда, а Цзи Линь — сестра Цзи Кая. К тому же ты сейчас находишься в подчинении у Цзи Хуали. Что, если Цзи Хуали узнает, что ты виделся с Цзи Линь, и его опять переклинит?

— Ничего страшного, не переживай, я всё контролирую. Сейчас Цзи Хуали далеко, в другом конце страны, он не обратит внимания на то, что мы пересеклись с Цзи Линь.

— Ну ладно, тогда я свяжусь с ней позже.

Чэнь Синь поднялся, вытащил из кармана конфискованный телефон Шэнь Яня и протянул ему:

— Держи аппарат. Ложись спать пораньше, а я пойду, на завтра еще есть дела.

Шэнь Янь взял телефон и тихо откликнулся. Когда Чэнь Синь уже был на пороге, он вдруг обернулся:

— Как залечишь раны, загляни ко мне домой навестить предка. Я его откормил на славу: туша холеная, крепкая, наверх взлететь может, внизу мышей ловит.

Шэнь Янь улыбнулся:

— Договорились.

Зажав телефон в руке, Шэнь Янь взглянул на время. Еще до того, как Чэнь Синь забрал у него аппарат, он успел ответить на большую часть рабочих писем. Подумав, что сейчас для завершения рассылки осталось ответить всего на три письма и времени это займет немного, он разблокировал экран.

После разблокировки по отпечатку пальца открылся журнал вызовов: звонок от Цзи Хуали длился ровно десять минут. Пальцы Шэнь Яня, сжимавшие телефон, побелели — он слышал всё.

Осенний ветер ворвался в ночь, принеся с собой прохладу. Шэнь Яню хотелось сделать вид, будто этого звонка вовсе не было, но палец судорожно скользил по экрану туда-сюда, цепляясь за кнопку выхода. Смахнув вверх, чтобы закрыть вызов, он смотрел, как номер телефона постепенно сжимается в точку — словно кто-то сжимал в кулаке его сердце, сдавливая, скручивая и не давая вздохнуть.

С их последней ссоры незаметно прошло пять дней.

Он не стал спрашивать у секретаря Цинь, куда улетел в командировку Цзи Хуали. Попытка вернуть часы от Patek Philippe сразу после их получения вновь встретила вежливый отказ. А связаться с самим Цзи Хуали он не знал как. Имя, которое он шепотав повторял все эти годы, крутилось на языке, но вымолвить его оказалось невозможно.

Они топтали друг друга ногами, вонзали ножи в чужие сердца, сыпали проклятиями, изводили и давили. Слова, ранящие до глубины души, слетали с губ без единой мысли, и этот непрерывный пулемётный огонь приносил им двоим невыносимую боль.

Шэнь Янь заснул лишь глубокой ночью, оставив телефон рядом с собой, а среди ночи проснулся и выставил громкость звонка на максимум.

Подниматься было тяжело — ранние подъёмы для тех, кто привык ложиться поздно, по-прежнему оставались настоящей мукой. Шэнь Янь кое-как привёл себя в порядок: до назначенного с Цзи Линь времени оставалось полчаса.

— Брат Янь, извините, что беспокою.

Цзи Линь была в красном костюме, короткие волосы аккуратно уложены. Не успел Шэнь Янь и рта раскрыть, как она продолжила:

— Я пришла сюда, чтобы принести извинения за Цзи Кая.

— Брат Янь, я слышала о том инциденте на банкете. Цзи Кая просто избаловала моя мать, он безнадёжен, как глиняный кусок на стене, не принимайте всё близко к сердцу.

Цзи Линь достала заранее подготовленный подарочный пакет и подвинула его к Шэнь Яню:

— Это последняя модель Rolex, я надеюсь, брат Янь сможет простить Цзи Кая на этот раз.

Шэнь Янь в своё время был обязан Цзи Линь и всегда относился к ней снисходительно. И хотя он люто ненавидел Цзи Кая, раз уж Цзи Линь зашла так далеко, продолжать упрямиться Шэнь Яню не хотелось.

— Сяо Линь, твою доброту я принимаю, но часы слишком дорогие, я не могу их взять.

— А как же Цзи Кай?

— Я простил его, и тебе спасибо, что пришла извиниться за него.

В глазах Цзи Линь мелькнул огонёк:

— Спасибо тебе, брат Янь! Тогда… не мог бы ты замолвить за него пару слов перед Цзи Хуали? Пусть он оставит Цзи Кая в покое.

Шэнь Янь поднял взгляд на Цзи Линь и сразу понял, какова была её истинная цель визита и извинений — она хотела использовать его руки, чтобы заставить Цзи Хуали отступиться.

— Сяо Линь, в этом вопросе я вряд ли смогу тебе помочь. Отношения между мной и Цзи Хуали сейчас совсем не такие, какими ты их себе представляешь.

Сейчас Цзи Хуали был с ним безжалостен, и Шэнь Янь сам ломал голову над тем, как наладить с ним отношения. Просить его за Цзи Кая, да ещё и уговаривать Цзи Хуали помиловать того — это всё равно что лезть на рожон. Или, если обобщить четырьмя словами: пустые мечты и бред сивой кобылы.

— Да как же так? Он ведь приехал искать тебя сразу после возвращения из-за границы! Разве ты теперь не его личный помощник?

— Я знаю, что ваше расставание много лет назад выглядело отвратительно. Но вы же сошлись снова, верно? Брат Янь, помоги мне только в этот раз!

Цзи Линь расплакалась:

— Я знаю, что тогда Цзи Кай заставил вас расстаться, и это я заставила тебя подписать соглашение о неразглашении, запретив говорить ему правду. Мы были неправы, но тогда мы были совсем молоды, брат Янь, прости меня!

— Теперь же Цзи Кая прессует Цзи Хуали. Брат Янь, ты же знаешь, семья Цзи превыше всего ставит власть и выгоду. Если Цзи Кая выгонят из главного особняка, мне тоже конец! Всё, на что я могу уповать — это ты, брат Янь!

Цзи Линь в отчаянии схватила Шэнь Яня за руку.

— Прости.

Шэнь Янь высвободил руку и снова ответил отказом.

В сердце Шэнь Яня жила искренняя благодарность к Цзи Линь, но за годы, когда его заставляли закрывать на всё глаза, она почти испарилась. К тому же он сам теперь всецело зависел от милости Цзи Хуали, умоляя этого грозного предка проявить великодушие и хотя бы не портить его выставку.

Лезть сейчас на рожон к Цзи Хуали, да ещё ради Цзи Кая? Шэнь Янь не был святым и не мог этого сделать.

— Сяо Линь, в этом деле я действительно ничем не могу помочь. Если потом у тебя возникнут какие-то трудности, я обязательно выручу. Но что касается Цзи Хуали — тут уж извини.

— Брат Янь, неужели ты и впрямь так жесток? Если бы не я, твоей матери негде было бы лечиться! И теперь я прошу тебя всего лишь замолвить за нас пару слов перед Цзи Хуали, неужели и это невозможно? — Цзи Линь пустила в ход больной вопрос о матери Шэнь Яня.

Шэнь Янь отвел взгляд. Он давно знал, что для семьи Цзи на первом месте всегда стояли лишь интересы, и Цзи Линь, будучи представительницей этого рода, ничем от них не отличалась. Он уже со счета сбился, сколько раз за долгие годы она давила на него этим аргументом.

— Прости, Сяо Линь, если больше ничего нет, я пойду.

http://bllate.org/book/33239/4081663